

США: новые реалии

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

Борис Вадимович МЕЖУЕВ

Философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
borismezhuev@yandex.ru

Харизматическая легитимность в эпоху Дональда Трампа

АННОТАЦИЯ. *Рассуждения о «харизматических чертах» нового президента США представляют собой прямое обвинение американского лидера в потенциально авторитарном характере его правления. Между тем Дональд Трамп не демонстрирует никакого стремления изменить Конституцию и нарушить принцип «разделения властей». Да и Макс Вебер отнюдь не отождествлял «харизматичность» и «авторитарность». Та объективная реальность, которая скрывается за этими обвинениями, – это стремление американского политического истеблишмента гарантировать себя от случайностей, связанных с исходом любых демократических выборов. По существу, это иная форма проявления противоречия между глобальным характером экономики, коллективным характером системы безопасности и национальным характером демократической политики, которое, скорее всего, будет разрешено не в пользу последней.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Межуев Б.В. (2017). Харизматическая легитимность в эпоху Дональда Трампа. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 13-27. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: харизма, авторитарное правление, Дональд Трамп, лидерство, американский блок, политическая система

USA: New Realities

DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

Boris V. MEZHUEV

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
borismezhuev@yandex.ru

Charismatic Legitimacy In The Era Of Donald Trump

ABSTRACT. *Thoughts on the «charismatic features» of the new US president are a direct accusation of the American leader in the potentially authoritarian nature of his government. Meanwhile, Donald Trump does not show any desire to change the Constitution and violate the principle of «separation of powers». ax Weber by no means identified «charismatic» and «authoritarian». Moreover, Max Weber by no means identified «charismatic» and «authoritarian». The objective reality that lies behind these accusations is the desire of the American political establishment to guarantee itself against accidents connected with the outcome of any democratic elections. In essence, this is another form of manifestation of the contradiction between the global nature of the economy, the collective nature of the security system and the national character of democratic politics which is most likely to be resolved not in favor of the latter.*

KEYWORDS: *charisma, authoritarian rule, Donald Trump, leadership, American bloc, political system*

FOR CITATION: Mezhuev B.V. (2017). Charismatic Legitimacy in the Era of

Donald Trump. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 13-27. DOI: 10.23932/2542- 0240-2017-10-6-13-27

Язык политической науки при описании явлений современной жизни, к сожалению, не свободен от чрезмерной ангажированности. Мы читаем как будто совершенно объективную, претендующую на академическую отстраненность работу, посвященную анализу таких феноменов, как Трамп, популизм, «Брекзит», и очень быстро обнаруживаем в ней строки, выдающие явную ценностную предрасположенность автора и его личное отношение к описываемым феноменам. Одним из таких не имеющих никакого отношения к науке расхожих клише является переходящее из статьи в статью утверждение: «Трамп – враг демократии, авторитарный лидер». Российский социолог Татьяна Ворожейкина в статье «Демократические институты в эпоху Дональда Трампа» пишет: «Таким образом, не будет преувеличением сказать, что одно из важнейших институциональных оснований американской демократии серьезно ослаблено в результате как предшествующих процессов поляриза-

ции американской политической системы, так, и особенно, в результате прихода к власти Дональда Трампа, который стремится править поверх и помимо партий, обращаясь непосредственно к своим сторонникам. За прошедшие месяцы американская партийная система не смогла оказать сопротивления авторитарным тенденциям в политике Трампа, его претензиям на верховенство президентской власти над остальными ее ветвями» (Ворожейкина, 2017, с. 73).

Увы, автор даже не поясняет, на чем основываются ее выводы. В чем проявляется стремление Трампа «править поверх и помимо партий, обращаясь непосредственно к своим сторонникам»? Неужели в нескольких публичных выступлениях перед избирателями в разных штатах? Но в этом отношении Трамп не слишком отличается от младшего Буша и явно уступает Рейгану – вождю консервативного движения Америки, которое действительно серьезно потеснило истеблишмент Республиканской партии, приведя в Вашингтон новых людей. В чем конкретно проявляются «авторитарные тенденции Трампа», которым следовало бы на партийном или на уровне законодательной власти оказать сопротивление?

Безусловно, президент США с помощью своего отпущенного на вольные хлеба политтехнолога Стивена Бэннона пытается на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2018 года провести своих людей в Сенат и Палату представителей, тем самым противодействуя влиянию тех кругов Республиканской партии, кто не принимает его политику. Но в этом нет ничего антидемократического и тем более ан-

тиконституционного: начать хотя бы с того, что сама Демократическая партия была сформирована в 1828 году в результате борьбы с истеблишментом Восточного берега, до этого времени контролировавшего власть в Соединенных Штатах¹. Казалось бы, российский исследователь при описании политической борьбы в США мог бы не вставать на одну сторону и не использовать пропагандистские клише политических оппонентов американского президента, а сохранять объективную, независимую позицию, но тем не менее сделать это оказывается очень сложно. Не только по причине ангажированности и непрофессионализма исследователей, но и в силу, как мы покажем впоследствии, неоднозначности самого объекта исследования.

С другой стороны океана, в СМИ, выражающих мнение истеблишмента Демократической партии и либеральных элит, пишется фактически то же самое: о подспудном антидемократизме нынешнего обитателя Белого дома и его готовности разрушить существующие политические институты. Вот бывший республиканец, который в период предвыборной кампании Барака Обамы перешел на сторону демократов, Эндрю Сэлливан в недавнем выпуске «Нью-Йорк-Мэгэзин» прямо обвиняет действующего президента в нарушении Конституции; при этом, надо признать, в отличие от отечественного социолога он понимает контрфактичность своих обвинений: «Да, положения Конституции остаются по большей части не нарушенными после девяти месяцев <президентства Трампа>. Однако нормы, которые позволяют Конституции работать, пошатнулись. Структура остается той же

1 Isenberg N., Burstein A. The Democratic Autocrat. Democracy. A Journal of Ideas. 2017. URL: <https://democracyjournal.org/magazine/46/the-democratic-autocrat/> (Accessed: 18.11.2017).

самой. Но Трамп непрерывно атакует ее основания. Не смотрите за тем, что совершается на поверхности. Прислушайтесь к тому, что происходит в основании»². Здесь мы сталкиваемся с еще более запутанным ходом мыслей, чем в статье российского социолога: по мнению влиятельного американского эксперта, форма американской конституции Трампом не нарушена, но искажен сам ее дух. В чем это конкретно заключается, автор предоставляет судить читателю, которому следует напрячь свой слух, чтобы ощутить, что свершается в самой глубине политической жизни Америки и всей западной цивилизации.

Безусловно, значительная часть всех этих инвектив обусловлена разочарованием и ужасом либералов перед наступлением консервативного популизма. И в Америке, и в России либералы утратили народную поддержку. В обеих странах это обстоятельство имеет очень разные причины и неодинаковые последствия, но само переживание либеральными интеллектуалами своей неизбежной электоральной обреченности имеет схожие симптомы.

Республиканская партия давно не имела такого преобладания в политической системе, какое она приобрела после 2016 года, когда по итогам ноябрьских выборов утвердилось большинство республиканцев в обеих палатах Конгресса. При этом после утверждения в Сенате 21 марта 2017 года кандидатуры Нила Горсача на вакантное место члена Верховного суда образовалось консервативное большинство и в главном органе третьей ветви власти Соединенных Штатов.

Республиканцы начали теснить демократов и на губернаторских выборах. Стало происходить нечто невозможное, с демографической и в целом исторической точки зрения. Все социологические тренды, много раз отмеченные исследователями, предсказывали растущий успех либеральных ценностей: к этому вели и прилив постепенно натурализирующихся мигрантов, и неизбежная секуляризация, и сосредоточение основных СМИ в руках либерально ориентированного бизнес-класса, и растущая роль женщин в обществе. Весь этот набор факторов якобы должен был способствовать укреплению либеральной и закату консервативной идеологии в обществе. Итог избирательной кампании 2016 года в этом смысле явился шоком для наблюдателей, прогнозировавших неизбежную победу кандидата от демократов: Дональда Трампа поддержало большее число цветных избирателей, чем какого-либо другого республиканского кандидата за последнее время, 52% «белых» женщин предпочли Трампа Хиллари Клинтон³. И иммигранты во втором поколении, и женский электорат Америки, несмотря на все усилия либеральных СМИ, оказались гораздо более консервативными по своим убеждениям, чем это предсказывали расхожие социологические теории.

В России, разумеется, кризис либеральной идеологии имел совершенно иные основания: либерализм здесь получил устойчивую ассоциацию с упадком государства и обнищанием населения в 1990-е годы. Казалось бы, в США дело обстояло иначе, и для Аме-

2 Sullivan A. This Is What the Trump Abyss Looks Like. New York magazine. 27.10.2017. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2017/10/this-is-what-the-trump-abyss-looks-like.html> (Accessed: 18.11.2017).

3 Sims A., Buncombe A. Who voted for Donald Trump? Mostly white men and women, voting data reveals. Independent. 09.11.2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-elections/who-voted-for-donald-trump-white-men-and-women-most-responsible-for-new-president-elect-voting-data-a7407996.html> (Accessed: 18.11.2017).

рики те же 1990-е было временем экономического подъема, государственного величия и необозримых жизненных перспектив. Между тем, для очень и очень многих жителей США эпоха 1990-х оказалась периодом расцвета той самой глобализации, которая в конечном итоге отняла у них работу и шанс на достойное существование. Любопытнейшим образом и победившая, и проигравшая стороны в Холодной войне испытывают схожие проблемы и сталкиваются с аналогичными трудностями.

Но вернемся к политической науке. Большая часть ее представителей и в России, и на Западе так или иначе связывают себя с либеральной идеологией и с распространением либеральных ценностей в обществе. В США представители социальных наук в подавляющем большинстве сочувствуют Демократической партии и настроены враждебно по отношению к партии Республиканской, поэтому доминирование республиканцев во всех органах власти они воспринимают как угрозу демократии. Проблема социальная – временное или же долгосрочное отступление либерализма – выдается ими за проблему политическую: победившие консерваторы, или же популисты, самой своей оглушительной победой якобы нарушают принцип разделения властей. Объективное доминирование оппонентов в институтах власти подается как угроза демократии. Между тем, если посмотреть на всё происходящее с академической точки зрения, можно прийти к выводу, что господство республиканцев, на самом деле, очень неустойчиво: их кандидат в Белом доме имеет весьма сложные отношения с собствен-

ной партией, и его с большой натяжкой можно назвать последовательным республиканцем. Трамп с трудом выиграл республиканские праймериз, он, можно сказать, вырвал победу у других, более системных кандидатов; и уже находясь в Белом доме, лидер страны не может заручиться твердой поддержкой республиканского большинства как в Палате представителей, так и в Сенате⁴. Лидеры этого большинства постоянно проваливают его законодательные инициативы, как это, например, случилось при попытках законодательной отмены Obamacare.

Вот это реальное напряжение в отношениях Трампа и его собственной партии – оно и дает основание говорить о новом президенте США как о якобы «харизматическом лидере». Разговоры на эту тему начались в американской прессе примерно весной 2016 года, когда стало ясно, что Трамп одолевает всех других претендентов от Республиканской партии, и у истеблишмента нет сил и возможностей остановить маргинального кандидата, своей популистской риторикой завоевывающего симпатии избирателей. Политолог Дэвид Мейер в одном из своих блогов на сайте Politics Outdoors с характерным названием «Дональд Трамп и угроза насилия» в марте 2016 года⁵, кажется, впервые употребил выражение «харизматический лидер» по отношению к нью-йоркскому миллиардеру. Мейер написал, что «харизматические фигуры», то есть политики, по своим персональным качествам не приспособленные к управлению государством, не имеющие надлежащего опыта управления и не обладающие нужным темпераментом для осуществле-

4 Подробное описание избирательной кампании Д. Трампа см.: (Бенедиктов, 2016).

5 Meyer D. Trumpism and the threat of violence. Politics Outdoors. 24.03.2016; URL: <https://politicsoutdoors.com/2016/03/24/trumpism-and-the-threat-of-violence/> (Accessed: 18.11.2017).

ния властных функций, обретают силу, влияние и шансы на приход к власти во «времена нестабильности» («turbulent times»). В подобные моменты истории избиратели готовы прислушиваться в большей мере к тем, кто готов обвинить всю систему целиком и разбрасывается обвинениями в чей-то персональный адрес, чем к тем, кто предлагает конкретные альтернативы.

Вслед за Мейером многие публицисты либерального лагеря продолжали говорить о «харизматическом» характере лидерства Трампа, вкладывая в это понятие несколько пренебрежительный смысл. «Харизматичность» Трампа служила, таким образом, эвфемизмом для обозначения одновременно его излишней эмоциональности, враждебности партийным элитам, слабой профессиональной подготовки и наличия у него скрытых авторитарных амбиций. Уже после прихода Трампа к власти известнейший социолог религии Питер Бергер, скончавшийся в 2017 году, одну из последних своих записей в блоге на сайте журнала «American Interest» озаглавил так: «Дональд Трамп и опасности харизмы»⁶. Речь в этом тексте шла о причинах поддержки Трампа правыми евангелистами, увидевшими в нью-йоркском миллиардере «орудие Бога» в борьбе против секулярных элит. В данном случае понятие «харизма» использовалось не столько в веберовском, сколько в изначально религиозном смысле, как «дар Божий» определенному человеку, как наличие у него способности пробуждать веру в свою избранность высшими силами для достижения тех или иных земных целей⁷.

Очевидно, что «харизматическими» качествами может обладать в том числе и демократический лидер: слово «харизма» постоянно используется политическими комментаторами при описании персональных характеристик ярких, талантливых политиков, умеющих завоевывать симпатии избирателей не только аспектами своей программы или предвыборными лозунгами, но и определенными персональными чертами: тембром голоса, красивой внешностью, необычной манерой поведения⁸. Конечно, рутинизация и бюрократизация любой политики, в том числе и демократической, снижает политическое значение «харизматических» качеств для утверждения лидерства в системе, однако именно демократическая система обладает механизмами для сообразного с законом преодоления этой бюрократизации и задеирования эмоциональной стороны политического процесса. В этом смысле эксцентричный шоумен, идущий во власть, – феномен, полностью соответствующий логике эволюции современной демократии. Тем не менее мы видим, что разговорами о «харизматичности» Трампа эксперты хотят подчеркнуть его антисистемность, некую потенциальную антидемократичность. Иными словами, речь идет о том, что «харизматические» черты потенциально являются своеобразным ресурсом, с помощью которого Трамп (или другой подобный ему политик западного мира) будет в состоянии преодолеть известные ограничения системы, нарушить неписанные нормы современной демократии. Насколько сами по себе основательны по-

6 Berger P. Donald Trump and the Perils of Charisma. The American Interest. 15.02.2017. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/02/15/donald-trump-and-the-perils-of-charisma/> (Accessed: 18.11.2017).

7 О религиозных истоках концепции «харизматической легитимности» см.: (Joose, 2014, p.266-283).

8 Как писал М. Вебер в третьей главе «Хозяйства и общества»: «Авторитарный по своему исходному смыслу харизматический принцип легитимности может быть переосмыслен в антиавторитарном духе» (Вебер, 2016b, с. 303).

добные предположения, скрывают ли они нечто большее, чем либеральную ангажированность представителей политологического цеха?

Когда Макс Вебер в своем эссе 1919 года «Политика как призвание и профессия» выделял три типа легитимности – традиционную, легальную и харизматическую, – он менее всего на свете хотел заявить об опасности «харизматического» правления. Совсем напротив, Вебер в этот момент чувствовал, что демократия может задохнуться в бюрократической легальности и ей остро требуется «харизматическая» отдушина. Пример демократической системы с подобного рода «харизматической» форточкой Вебер обнаруживал именно в Соединенных Штатах, в которой лидер страны обладает возможностью завоевывать симпатии избирателей на всеобщих выборах, возвышаясь над парламентской политикой, над господством, как выражался немецкий ученый, «нобилитета партийных старейшин» (Мигранян, 1989, с. 158-158). Достоинством западной демократии Вебер считал способность к институционализации «харизмы» (чего не могут обеспечить антидемократические системы, бюрократически рутинизирующие революционную «харизму», в том числе и ту, которой сама система обязана своим происхождением). «Особенностью Запада, – писал Вебер, ... является политический вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе» (Вебер, 2016а, с. 487). Ины-

ми словами, «харизматическое лидерство» является по Веберу не угрозой демократии, но важным ее атрибутом, обеспечивающим системе гибкость и отзывчивость по отношению к конкретным настроениям и запросам избирателей⁹.

Не являются ли в таком случае страхи либеральных элит перед «харизматическим» лидерством Трампа абсолютно надуманными и беспочвенными? Или, во всяком случае, эти страхи нужно мотивировать не личностными качествами американского президента, а особенностями его политики и базой его поддержки? Проще говоря, прибавляет ли слово «харизма» что-то к пониманию мотивов опасений истеблишмента и в целом интеллектуального мейнстрима по отношению к фигурам, подобным Трампу? Не являются ли инвективы против «харизмы», на самом деле замаскированными выпадами против демократии как таковой, поскольку именно этот строй содержит в себе элемент непредсказуемости, угрозу выбора кандидата с авторитарными замашками, готового при случае преступить закон и т. д.? При всей соблазнительности положительного ответа на этот вопрос попытаемся всё же найти какое-то оправдание либеральным экспертам, указывающим на «харизматичность» Трампа как потенциальную опасность для демократии.

Когда Вебер писал свое эссе, выражение «харизматическое правление» ассоциировалось не столько с американским политическим опытом, сколько с опытом французского бонапартизма. Именно правление обоих Бонапартов – и Наполеона I, и Наполеона III – в наибольшей степени отвечало негативному определению «харизматической легитимности»: ею отличалась власть,

9 Обзор современных дискуссий вокруг веберовского понятия «харизмы» см.: (Smith, 2013, p. 3-74).

основанная ни на обычае, ни на законе, а на исключительных чертах властителя. «Идеальный тип» такой легитимности – это именно власть удачливого полководца, успешно конвертирующего свое военное лидерство в лидерство политическое. Наполеон I совершил государственный переворот 18 брюмера 1799 года: свергнув Директорию, он объявил себя первым консулом. Племянник императора в декабре 1848 года был избран президентом Французской республики. С самого начала своего президентства Луи Бонапарт готовился к своему 18 брюмера. 2 декабря 1851 года здание Законодательного собрания и других правительственных учреждений были заняты солдатами, декретом президента республики Собрание было распущено, большинство депутатов арестовано. В столкновении с «харизмой», подтвержденной плебисцитом, закон тогда потерпел поражение. Впоследствии, в течение всей истории Третьей республики бонапартистские течения неоднократно проплывали над политической сценой, однако, 18 брюмера более не повторялось во Франции ни как трагедия, ни даже как фарс. Между тем 18 брюмера фактически состоялось в Польше в 1926 году, когда в результате государственного переворота к власти в стране пришел маршал Пилсудский, и в 1936 году – во время мятежа франкистов против республики. Можно сказать, что после Первой мировой войны «харизматическая легитимность» в ее узком понимании в первую очередь связывалась с правлением успешных военных лидеров, как о том и писал Вебер.

Само понятие «легитимность» вызывает большие споры в политической науке. Отечественный политолог Виктор Сергеев в своей книге «Народовластие на службе элит» считает необходимым «ослабить веберовское определение легитимности». С его точки зре-

ния, «режим легитимен, если поведение народа не нарушает видимым образом способ функционирования власти. Легитимность теряется, когда массовое поведение граждан препятствует нормальному функционированию власти: народ бежит через границы, дезертирует из армии, перестает платить налоги» (Сергеев, 2013, с. 28-29). Представляется, что это «ослабление» веберовского определения не совсем правомерно: народ может подчиняться действующей власти и не бунтовать против нее не потому, что считает эту власть «легитимной», а потому что поддерживает ее мероприятия, проводимый ею курс. При этом народ может сознавать, что данная, отвечающая его интересам власть тем не менее не является легитимной. И напротив, народ может быть не доволен действиями власти, но продолжать быть убежденным в ее легитимности. Соответственно, «легитимность» следует отличать от мотивов лояльности: «легитимность» – это в определенном смысле готовность «терпеть» в том числе и неудобную власть, признавая ее законность. «Харизматической» легитимностью в этом понимании обладает неудобный и, возможно, суровый правитель, которого терпят в силу веры в его уникальные качества, в его особую «избранность». Это действительно более всего соответствует готовности войска выполнять приказания своего полководца или вождя по причине веры в его миссию или же в его уникальные способности.

С точки зрения философии истории, «харизма» – это прорыв некой изначальной материи персональной власти в современный мир, поскольку власть военного вождя предшествует господству наследственных монархов и феодалов: предки последних когда-то и были военными вождями. Более сложный феномен – власть жреческая, которая может считаться в каком-то смыс-

ле основой рационально-правовой легитимности и, соответственно, отдаленной предшественницей господства бюрократов: не случайно слово «клерки» (чиновники) происходит от слова «клирики» (священники). Веберовская триада явно скрывает отсутствующий четвертый тип легитимности: подобно тому, как традиция восходит к «харизме», точно так же закон укоренен в представлении о «священном», о «табу». Люди соглашаются «терпеть» наследственную власть, поскольку сознают, что в ее основании – древняя, но не утратившая свою силу в череде поколений личностная «харизма»; точно также они готовы подчиняться закону, который в глубинных своих основаниях имеет «сакральное» происхождение.

«Харизма» прорывается в современный мир, мир обычая и права, прежде всего в ситуации военного времени: к этому относится всё, что мы говорили о бонапартизме и его рецидивах в XX столетии. Однако безусловно, что сегодняшняя волна популизма никак не связана с военным руководством: любопытно, что именно военная часть команды национальной безопасности Дональда Трампа воспринимается экспертами, представляющими мнение истеблишмента, как сдерживающее, «взрослое» начало, оберегающее неуравновешенного «харизматика» от необдуманных поступков. «Военные» в этом смысле выступают просто как часть бюрократии – отстаивающая примат «закона» над разрушительными импульсами большинства населения и лидера-популиста¹⁰. Если «харизматичность» Трампа имеет не милитарную природу, то

возникает вопрос, каковы истоки этой новой «харизматичности»?

Думаю, нам очень поможет в данном случае сравнение Трампа с феноменом Бориса Ельцина, первого президента России, которого также называли «харизматиком» в силу особенностей его характера и специфики политического поведения. Проблема, однако, не только в чисто внешнем сходстве двух президентов: приход к власти каждого из них отражал общие тенденции политического развития двух блоков – советского и американского. Успех Ельцина в 1991 году был выражением отказа значительной части российского общества терпеть издержки, связанные с сохранением советского блока; успех Дональда Трампа в 2016 году точно также символизировал нежелание значительной части населения Америки мириться с трудностями, обусловленными необходимостью поддержания блока американского.

Понятие «блокополитики» было введено в 2017 году американским политологом Майклом Линдом. Речь идет о его статье, которая появилась в журнале «The National Interest» летом 2017 года: «Блокополитика»¹¹. В своей работе Линд фактически оправдывает (хотя и макиавеллистским образом) тех политиков и журналистов, кто ведет войну с Трампом: за ними он усматривает сложившуюся реальность, а за Трампом – лишь «беспочвенные мечты». Рано или поздно эта реальность получит полноценное теоретическое оформление: национал-популизм, на самом деле, бросил вызов не «глобальному рынку», не «транснациональной

10 См.: Mann J. The Adults in the Room. The New York Review of Books. 26.10.2017. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2017/10/26/trump-adult-supervision/> (Accessed: 18.11.2017).

11 Lind M. Blocpolitik. The National Interest. July-August 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/blocpolitik-21208>. Эта статья тематически и концептуально совпала с другой публикацией того же автора в недавно возникшем журнале «American Affairs»: «Новая классовая война», образуя с ней своего рода диалогию. См.: Lind M. The new class war. American Affairs. Summer 2017. URL: <https://americanaffairsjournal.org/issue/summer-2017> (Accessed: 18.11.2017).

демократии», и не «международному сообществу». Он бросил вызов американскому блоку. Речь идет об очень интегрированном сообществе, в котором первенствующую роль играют американские корпоративные элиты, но в котором представители деловых и политических кругов Европы, Японии, некоторых арабских стран занимают позиции миноритарных, но вместе с тем весьма значимых партнеров. Этот круг людей с давних времен переплетен сотней клубных связей, разного рода инициатив, проектов, деловых предприятий, и поэтому Америке, какой бы сильной она ни была, очень трудно выйти из этого консорциума просто ради того, чтобы обеспечить работой изголодавшегося жителя «ржавого пояса». «Блок» будет сопротивляться националистам, и он уже сопротивляется.

Линд не использует привычный для нас термин «цивилизация», потому что допускает, что границы и состав «блока» не всегда определяются культурой, историей и религией, хотя при этом исследователь признаёт, что существует явная тенденция к – в том числе – и ценностному оформлению этих «блоков». Главное в «блоке» – это взаимосвязь сфер политики, экономики и военной безопасности, обусловленная элитной интеграцией стран-членов «блока». «Блок» отменяет прежнюю логику национального интереса, «блок» – не просто инструмент обеспечения национального благополучия, это новая политическая идентичность, пока не обретшая, однако, полноценной легитимности. Популисты говорят, что простые налогоплательщики не хотят жертвовать своим карманом ради сохранения в составе «блока» Саудовской Аравии или, скажем, Южной Кореи; но, с другой стороны, тому же налогоплательщику приходится жертвовать ресурсами ради сохранения в составе США Калифорнии или Южной Каролины. Рано

или поздно придется изменить свое отношение и к собратьям по «блоку», хотя это потребует времени и усилий. И еще один важный момент: американский блок – это тем не менее не глобальный мир, поскольку это объединение уже сейчас испытывает вызовы со стороны России и Китая, которые претендуют на создание своих собственных блоков, причем Россия объявляет о своих претензиях открыто и демонстративно, Китай же соблюдает большую осторожность.

Итак, «харизма» Трампа и других популистов – это своего рода бунт против в целом анонимной, лишенной какого-то персонального представительства власти американского блока над национальной политикой, в том числе политикой американской. Отличие Трампа от Ельцина проявляется в том, что советский блок находился в гораздо более уязвимом, неустойчивом положении к 1991 году, что и позволило Ельцину одержать победу над силами блокового самосохранения. Если бы СССР имел силы для самосохранения, все попытки утвердить некий особый суверенитет РСФСР были бы пресечены с самого начала максимально жестоким способом: Ельцин за само выдвижение этого лозунга был бы устранен с политического поля, а разговоры о некоей особости России были бы немедленно пресечены как фашизм. Собственно, попытки борьбы с «Памятью» и русским национализмом в конце 1980-х – начале 1990-х годов, предпринятые горбачевским руководством, по своему функциональному смыслу соответствовали провокациям так называемых антифа против «белого супрематизма» и наследия Конфедерации, с которым сегодня связывают Трампа и его команду.

Как подчеркивают многие эксперты, из общественной жизни сегодня уходит привычное с XIX века разделение

на правых и левых¹². Его сменяет новый раскол – на так называемых популистов и глобалистов, то есть на самом деле на противников и сторонников перехода к новой – блоковой – идентичности (Rodrik, 2012). Глобализация позволила многим американским компаниям снизить издержки производства за счет выноса предприятий в регионы с дешевой рабочей силой. В США оставался центр финансового управления мировой экономикой и лидерство в области производства технологических инноваций. Другие регионы мира, включенные в глобальную экономику, оказывались вынуждены искать для себя приемлемое в ней место. Клинтоны, которые пришли в Белый дом как левые политики, с ностальгическими воспоминаниями об эпохе Кеннеди и открывшихся тогда «новых горизонтах», после неожиданного поражения от правых в 1994 году, сумевших впервые за долгие годы захватить большинство в нижней палате Конгресса, – с восторгом приняли «глобализацию», увидев в ней панацею от всех бед. Открывшийся тогда простор для финансовых спекуляций и мировой взлет IBM снимал на время все больные вопросы: однако уже в те безмятежные 1990-е в стране постепенно вызревало антиглобалистское подполье, которое впервые дало о себе знать в 1999 году во время массовых выступлений в Сиэтле.

Как только Барак Обама в 2008 году стал президентом и начал формировать свою собственную команду, выяснилось, что он собирается продолжать ту же самую глобалистскую политику, лишь немного смягчая ее наиболее неприятные последствия типа полного

произвола финансовых спекулянтов. Обама исповедовал своего рода глобализм с человеческим лицом. Он явно не хотел начинать новых войн, не заручившись поддержкой международного сообщества, типа иракской; с другой стороны – он реально попытался спасти остатки американской промышленности, в основном за счет государственных субсидий. Однако он не собирался реально пересматривать принципы глобализации: благополучие американского блока для него, как в общем-то и для всей политической элиты США, оставалось более важным приоритетом, чем судьба среднего класса его собственной страны.

Но трампизм сокрушил все различия между левым и правым сегментами политического спектра, выступив против основ самой глобальной системы: аутсорсинга рабочих мест за рубеж, массовой иммиграции и практики гуманитарных интервенций. Нанести удар американскому блоку оказалось проще справа, чем слева: в отличие от того, что думали Маркс, Энгельс и Ленин, у пролетариев все-таки обнаружилось Отечество; представление о рабочем классе как денационализированной, культурно обезличенной прослойке общества со стершейся в индустриальном мире идентичностью не выдержало проверки реальностью. «Синие воротнички» обладают острым сознанием своей этничности, усвоенным ими хотя бы в уличных столкновениях с представителями иммигрантских диаспор и в борьбе за достойное существование с теми, кто готов за меньшую плату подменить их на работе. А вот к чему пролетариат оказался дей-

12 По словам отечественных исследователей, в современной политике «возникла интересная ситуация – раскол между «мейнстримом» и «альтернативой» (или «альтернативами») оказывается зачастую больше, чем традиционный раскол между правыми, левыми и центром внутри «мейнстрима». При этом формально разные представители «альтернативы» могут находиться с точки зрения мейнстримных описаний на разных флангах: ультраправом и ультралевом» (Сергеев, Казанцев, Петров, 2017).

ствительно глух, – так это к темам однополой браков и либерализации сексуальной морали. «Марксизм без пролетариата» (Дмитриев, 2004, с. 476-493; Готфрид, 2009) явился на поверку бесполезным для политики марксизмом, революционной идеологией с постоянно отменяемой революцией. Подлинные социальные интересы гибнущего в волнах глобализации рабочего класса удалось понять и использовать именно правым, причем правым, не отягощенным особыми идеологическими установками – религиозными, либертарианскими, неоконсервативными. Трамп достиг своего избирателя в разнородном республиканском электорате, примерно как бормашина находит в зубе воспаленный нерв.

Итак, делаем мы вывод, разговоры о «харизматичности» Трампа скрывают страх представителей системы, представляющей собой безличный конгломерат элитных интересов, перед демократическим выбором населения, который всегда осуществляется в рамках национальной политики. Проблема в том, что так называемому «блоку» удалось взять под контроль основные институты национальной политики, но тем не менее ему очень сложно справиться с мнением избирателей, не устранив окончательно демократический фасад западной системы. Однако, с другой стороны, следует признать, что и такой политик, как Трамп, не может последовательно провести в жизнь свою программу, не выйдя за пределы чисто институциональной логики. Ему явно нужно будет взять под контроль собственную партию, проведя в ней радикальную чистку; ему потребуются создать лояльные СМИ, чтобы закрепить свою победу. В ином случае любой другой политик, который придет ему на смену, скорее всего, проведет ревизию его курса, обнулив итоги трамповской революции. Если бы Трамп захотел сделать свою ре-

волюцию необратимой, ему бы действительно пришлось выходить за привычные для современной американской политики рамки: например, ограничивать работу СМИ, препятствовать активному вовлечению в политику бизнес-групп, враждебных принципу «Америка прежде всего». Иначе говоря, если бы Трамп в самом деле старался выполнять наказания и пожелания своего избирателя, ему бы пришлось действовать более жестким образом, подобно Путину или Эрдогану.

Мы имеем сегодня в США ситуацию, когда последовательная демократия почти неизбежно срывается в цезаризм, то есть авторитарное правление, основанное на «харизме» лидера. Тот факт, что ничего подобного не происходит, и Трамп пока продолжает действовать в рамках Конституции, что бы о нем ни говорили его политические противники, свидетельствует об абсолютной неготовности 45-го президента США к миссии американского Цезаря, а следовательно, о некоторой несерьезности, наигранности всей трамповской революции. Хотя бы в сравнении с революцией Эрдогана, столкнувшегося в 2016 году со своим Глубинным государством (Deep State), вышедшего победителем из этого конфликта и затем фактически осуществившего цезаристский переворот в собственной стране. Как пишет британский политический философ Джон Данн в книге «Не очаровываться демократией», конфликт между требованиями демоса и нормами законности вообще имманентен для демократии как таковой: «В основном авторитет демоса, если таковой имеется, не поспевает за густой сетью ограничений и руководящих принципов, через которую закон обрушивается на индивидуальных членов общества, и он редко или почти никогда не дает о себе знать напрямую» (Данн, 2016, с. 44).

Полагаю, что «американский блок» в итоге одолеет национально-популистское электоральное восстание, и господство истеблишмента, в конце концов, восстановится в прежнем виде, за тем исключением, что этот блок, в силу конкуренции с ним России и Китая, уже не сможет называть себя «мировым сообществом», выдавая собственные интересы за интересы универсальные. Советскому блоку в свое время не удалось справиться со своим «харизматиком», подпитывавшимся народной энергией отвержения чуждой, формально интернациональной системы, но блок американский, конечно, обладает гораздо большими ресурсами в плане способности к выживанию. И он, полагаю, выйдет из столкновения с внутренней оппозицией победителем.

Однако здесь возникает другая любопытная проблема. Сможет ли западная цивилизация или, если угодно, «глобальный мир» обрести собственную «харизматическую легитимность», учитывая, что традиционной у нее быть не может, а рационально-правовая пока не создана? Захотят ли люди терпеть трудности, связанные с существованием и функционированием этой системы, признавать справедливость ее власти над собой? Социалистический блок, безусловно, обладал элементом «харизматической» легитимности: это была «харизма» Ленина, перешедшая по наследству к Сталину и затем превращенная в рутину их бюрократическими преемниками. «Американский блок» пока не имеет своего «харизматического» прародителя: таковыми, конечно, нельзя считать ни Рузвельта, ни тем более Трумэна, ни даже Черчилля. Думается, что тем не менее глобальные элиты заинтересованы в своего рода «харизматическом» укреплении своей власти, только речь может идти о «харизме» с обратным зна-

ком. Она не будет восходить к военному успеху и напоминать триумф императора, поскольку задача появления такого идеального основания будет состоять именно в делегитимации разнообразных Отецеств, «патрий», созданных в свое время теми или иными «отцами-основателями». Поэтому далеко не случайно стремление истеблишмента выбрать в качестве приоритетного кандидата от глобальной элиты политика-женщину. В принципе, в этом нет ничего уникального – на троне государств разных стран было много женщин в разные периоды истории, во многих государствах женщины сегодня возглавляют правительство, различные ведомства и министерства и даже силовые структуры. Тем не менее очень заметно, что феминистки в США и других странах мира воспринимали возможный приход Хиллари Клинтон к власти в главной стране западной цивилизации как логический финал движения за женское равноправие, начавшегося еще в конце XIX века. Не вызывает сомнения, что в данном случае налицо было стремление заложить «харизматическое» основание легитимности глобальной власти американской системы.

И, думаю, что в том случае, если бы Трамп уступил Хиллари в президентской гонке, у нас было бы гораздо больше оснований говорить о прорыве «харизматического» начала власти в эпоху современности, чем при успехе эксцентричного нувориша, воспользовавшегося в своих целях протестом трудового населения Америки против системы, которой до сих пор все опасались искать альтернативу.

Список литературы

Бенедиктов К.С. (2016). *Чёрный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа*. М.: Книжный мир. 480.

Вебер М. (2016а). Политика как призвание и профессия. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М. – СПб: Центр гуманитарных институтов; Университет-книга. 485-528.

Вебер М. (2016b). *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 448.

Ворожейкина Т. (2017). Демократические институты в эпоху Дональда Трампа. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3 (113). 60-77.

Готфрид П. (2009). *Странная смерть марксизма*. М.: ИРИСЭН; Мысль. 249.

Данн Д. (2016). *Не очаровываться демократией*. М.: Изд-во Института Гайдара. 160.

Дмитриев А.Н. (2004). *Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920-1930-е гг.)*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад. 528.

Мигранян А.М. (1989). Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс. *Вопросы философии*, (6). 148-158.

Сергеев В.М. (2013). *Народовластие на службе элит*. М.: МГИМО-Университет. 265.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. (2017). Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике»? *Полис. Политические исследования*, (3). 8-29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Joose P. (2014). Becoming a God: Max Weber and the Social Construction of Charisma. *Journal of Classical Sociology*, 14 (3). 266-283. DOI: 10.1177/1468795X14536652

Rodrik D. (2012). *The Globalization Paradox*. N.Y.: Norton & Company, Inc. 368.

Smith D. N. (2013). Charisma disenchanted: Max Weber and his Critics. Dahms H.F. (ed.) *Social Theories of History and Histories of Social Theory*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. 3-74.

References

Benediktov K.S. (2016). *Black Swan. Political biography of Donald Trump*. Moskva: Knizhnyi mir. 480.

Dmitriev A.N. (2004). *Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt school (1920-1930-ies.)*. Sankt-Petesburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Cankt-Peterburge; Moskva: Letnii sad. 528.

Dunn D. (2016). *Breaking Democracy's Spell*. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. 160.

Gottfried P. (2009). *The Strange Death of Marxism*. Moskva: IRISEN; Mysl'. 249.

Joose P. (2014). Becoming a God: Max Weber and the Social Construction of Charisma. *Journal of Classical Sociology*, 14 (3). 266-283. DOI: 10.1177/1468795X14536652

Migranyan A.M. (1989). Plebiscite Theory of Democracy of Max Weber and the Modern Political Process. *Voprosy filosofii*, (6). 148-158.

Rodrik D. (2012). *The Globalization Paradox*. N.Y.: Norton & Company, Inc. 368.

Sergeev V.M. (2013). *Democracy in the Service of Elites*. Moskva: MGIMO-Universitet. 265.

Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. (2017). The Policy of "Mainstream" and Its Alternatives in the Modern Western World: on the way from the world economic crisis to "impossible politics?" *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3). 8-29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Smith D. N. (2013). Charisma disenchanted: Max Weber and his Critics. Dahms H.F. (ed.) *Social Theories of History and Histories of Social Theory*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. 3-74.

Vorozheikina T. (2017). Democratic Institutions in the Age of Donald Trump. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 3 (113). 60-77.

Weber M. (2016a). Politics as a Vocation. *Selected works: Protestant ethics and the spirit of capitalism*. Moskva – Sankt-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh institutov; Universitet-kniga. 485-528.

Weber M. (2016b). *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 448.

Информация об авторе

Борис Вадимович Межуев, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории русской философии, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, 27-4
borismezhuev@yandex.ru

About the Author

Boris V. Mezhuev, Cand.Sci. (Philosophy). Associate Professor, Department of the History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
borismezhuev@yandex.ru